

Яковлева Анна Акимовна
воспитатель ГБОУ ВО
« Высшая Школа Музыки РС(Я)- институт»
им. В.А. Босикова г. Якутск,
Республика Саха (Якутия)

Лев Толстой соприкосновения с музыкой

Литературное наследие Льва Николаевича Толстого поистине огромно. Однако, существует вид искусства, в котором он оставил всего одно сочинение. Этот вид искусства - музыка, а произведение называется "Вальс фа мажор". Находясь уже в преклонных годах, граф шутил по поводу единственной своей музыкальной пьесы: "Я сочинил это в такой моей далекой юности, что теперь совершенно непонятно, сочинил ли это действительно я, или тот педагог, с которым я занимался!" В этой шутке проскальзывает желание "отречься" от этого сочинения. Возможно, потому, что вся музыкальная картина мира Толстого довольно неоднозначна, она трансформировалась и видоизменялась с течением жизни великого писателя, неизменно находя отражение в его литературных произведениях.

Лев Николаевич был воспитан в атмосфере культа музыки. В доме играли и пели почти все: мать и отец, многочисленные гости, братья и сестры, крестьяне, шумная дворня. Ему нравилась музыка с ясной и чистой мелодией. Лев Николаевич очень любил русскую, да и всякую народную музыку. Любил балалайку, гитару, даже (издали) гармонику. Любил цыганские песни. Будучи молодым повесой, даже перевез в родовое поместье, Ясную Поляну, целый цыганский табор. Песни,

романсы, кутежи до утра. Цыгане поселились в оранжерее, которую построил его дед Волконский, и с удовольствием ели оранжерейные персики, предназначенные на продажу.

И все же основные "музыкальные трансформации" личности Л.Н.Толстого, нашедшие свое воплощение в творчестве, так или иначе связаны с академической музыкой, и в особенности с именем Л.Бетховена. Слушая в исполнении мамы "Патетическую" сонату, семилетний Лёва замирал неподвижно, ощущая, по его собственным словам, "чувство сладкое и тревожное". Впоследствии в повести "Детство" Николенька Иртенъев повторит музыкальные увлечения самого Толстого. Также, "сжавшись клубочком в кресле" и с удивительной "способностью не отвлекаясь выслушать всю сонату до конца" будет проявлять свою музыкальную восприимчивость: в "Интродукции" - "слушать затаив дыхание", в "Аллегро" - слышать "неясный тревожный рокот"; и также, как у маленького Лёвы, в "Анданте" на душе у Николеньки становится "спокойно, радостно, хочется улываться...".

В повести «Утро помещика»: «После тяжёлых для него бесед с крестьянами, в грустном настроении Николенька садится за рояль и рассеянно пробегает по клавишам, наигрывая какой-то неопределённый мотив. Потом он подвигается ближе и в полных, чистых аккордах этот мотив повторяет. Ему казалось при этом, что он слышит и хор, и оркестр и тысячи мелодий. Различные странные образы, грустные и отрадные, сменяют один другой».

Толстому шёл уже 21 год, когда он пригласил к себе педагога - музыканта, немца по имени Рудольф, с которым прилежно занимался,

иногда по 3-4 часа в день. Лев Николаевич писал в своем дневнике: "Я желал бы достичь высшего совершенства в музыке". Многие музыканты, которые бывали в доме у Толстых и играли перед ним рассказывали, как Толстой "обливался слезами" от их музыки. Мелодии и гармонии действовали на графа физиологически. И вместе с тем, пытаясь осмыслить свое состояние в моменты слушания музыки, описать это состояние художественно, Толстой говорит о единении своей души с душой автора, о погружении в "чужое" состояние. В этом состоянии, как в детстве, - сладость и тревожность. А, возможно, даже и страх. Страх потерять свою волю, поддаться чему-то невыразимо сильному, чему невозможно противиться и чем невозможно управлять...

Граф овладел фортепианной игрой вполне прилично, и мог уверенно исполнять сонаты Моцарта, вальсы Штрауса, и даже 4- сонату Шопена. Помимо непосредственного эмоционального воздействия, Толстой ценил в музыке ее способность будить воспоминания о тех жизненных моментах, с которыми она была связана. Любимой на всю жизнь оставалась музыка детства и юности - бетховенские сонаты, ноктюрны Фильда, цыганские романсы, кое-что из русского романсного репертуара – то, что составляло салонный репертуар сороковых-пятидесятых годов. Афанасий Фет, приезжавший в Ясную Поляну погостить со всем своим семейством, вспоминал: "Граф так и набросился на фортепианную игру с нашей гувернанткой! Он садился играть с нею в четыре руки, и таким образом они переиграли чуть ли не всего Бетховена!"

Наряду с Бетховеном, который всегда стоял неоднозначным особняком в музыкальных пристрастиях Льва Николаевича, Шопен оставался его

любимым композитором всю жизнь. Слушая Шопена, Толстой восклицал: «Вот так надо писать! Шопен - Пушкин в музыке».

Женитьба на Софье Берс привнесла в жизнь графа Толстого новые эмоции и ощущения. В своем дневнике он писал: «Неимоверное счастье... Не может быть, чтобы это все кончилось только жизнью». Софья Андреевна, моложе мужа на 16 лет, была прелестна своей юностью и простотой, она любила литературу и музыку. Хотя сама молодая графиня и не блистала особыми талантами, она сумела создать вокруг себя творческое общество, в коем состояли и выдающиеся музыканты того времени, среди которых были Рубинштейн, Чайковский, Танеев, Стасов, Римский-Корсаков...

Часто, сидя за роялем и музицируя, граф размышлял над новыми сюжетами и судьбами своих героев. "Вот из зала доносятся звуки тихих аккордов - вспоминал сын писателя Лев Львович, - это отец сел за фортепиано, обдумывая что-нибудь назавтра для своего романа." Музыка в произведениях Толстого является одним из средств психологического анализа. Она позволяет писателю передать смену мыслей и настроений героя.

В «Войне и мире» отношение героев к музыке характеризует их: чуткость, одарённость и восприимчивость Наташи Ростовской и благородство, рождение новых чувств Андрея Болконского. "В голосе ее была та девственность, нетронутость, то незнание своих сил и та необработанная еще бархатность, которые так соединялись с недостатками искусства пением, что, казалось, нельзя было ничего изменить в этом голосе, не испортив его". Именно музыка помогает князю Андрею осознать любовь к Наташе.

Музыкальный мир все чаще вторгался в жизнь Толстого благодаря существованию "музыкального салона графини", и часто вопреки его желанию. Лев Николаевич был вынужден жить среди изысканной музыкальной атмосферы, в которой царил строгий академический стиль - квартеты, фортепианная музыка, без какой-либо вокальной музыки и, уж конечно, без цыган.

В 1880–1890-е годы вследствие изменения глубинно-философских взглядов Толстого на жизнь в семье произошел разлад. Софья Андреевна, не понимавшая новых идей Льва Николаевича, его желания отказаться от собственности, жить своим (преимущественно физическим) трудом, с одной стороны осознавала, на какую нравственную высоту он поднялся; с другой стороны, не умеющая разделить духовные устремления мужа, вынужденная заниматься "земными делами" своего семейства, чувствовала себя брошенной, ненужной. Единственным ее утешением становится музыка.

В 1891 выходит в свет самая скандальная повесть Л.Н.Толстого "Крейцера соната", которую сразу же посчитали слишком откровенной и нецензурной. В ней писатель устами своего героя Позднышева не только провозглашает шокирующие "истины" о необходимости воздержания, "о низкой женской сущности", не только от первого лица оправдывает гнев ревности, но и высказывает свое оригинальное мнение по поводу музыкального искусства: искусство, и в особенности музыка, является злом, пробуждающим в людях самые низменные пороки. Во-первых, по мнению главного героя, большая часть прелюбодеяний совершается в благородном обществе под предлогом занятия искусствами, в особенности музыкой. Во-вторых,

музыка производит «раздражающее впечатление» на слушателей, она заставляет почувствовать то, что ощущал в момент написания автор произведения, слиться с переживаниями, которые человеку не свойственны, заставить его поверить в новые возможности, раздвинуть горизонты собственного восприятия.

"Страшная вещь эта соната. Именно эта часть. И вообще страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает? Говорят, музыка действует возвышающим душу образом, - вздор, неправда! Она действует, страшно действует, я говорю про себя, но вовсе не возвышающим душу образом. Она действует ни возвышающим, ни принижаящим душу образом, а раздражающим душу образом. Как вам сказать? Музыка заставляет меня забывать себя, мое истинное положение, она переносит меня в какое-то другое, не свое положение: мне под влиянием музыки кажется, что я чувствую то, чего я, собственно, не чувствую, что я понимаю то, чего не понимаю, что могу то, чего не могу".

Что почувствовала жена Позднышева в минуту исполнения «Крейцеровой сонаты»? Какие новые желания зародились в ее восприимчивой душе? Главный герой склонен винить в "падении жены" именно развращающую силу музыки.

Устами Позднышева Толстой объяснял собственное двойное отношение к музыкальному искусству. Он боялся заразиться этими "музыкальными эмоциями", и, по-видимому, все-таки не мог противостоять им. Он считал их прекрасными, несущими наслаждение и одновременно греховными, далекими от человеческого идеала. В весьма категоричной

форме эта двойственность проявилась однажды, когда Лев Николаевич после исполнения 14-й сонаты Бетховена прослезился и недовольно сказал: "Как я испорчен! На меня эта музыка все-таки действует!" И опять Бетховен! Удивительно, почему для иллюстрации "соблазнительно-греховных" способностей музыки Толстой выбрал именно "Крейцерову сонату" Бетховена? Бетховен довольно далек от чувственности, его музыке свойственен, скорее, аскетичный стиль, а именно эта 9-я соната ля мажор, которой приписывается Толстым такая греховная «магия», скорее трагична, чем соблазнительна. Очевидно, что она была полна для Толстого наваждением, непонятными и оттого враждебными чарами, и при этом неизменно попадала в программу любимых его вещей. Возможно, что с этой сонатой у Толстого были связаны личные воспоминания, которые навсегда соединились с ее музыкальной тканью, и по каким-то неведомым причинам, эта музыка воспринималась им, как непомерно страстная, безумная, стихийная.

Сравнения и параллели с семейной жизнью Льва Николаевича после публикации повести были неизбежны. Нельзя обойти вниманием роль композитора Танеева, которая ему приписывалась в связи с созданием "Крейцеровой сонаты". Танеев стал "музыкальным гением" салона графини задолго до 1891года, еще с начала восьмидесятых он был постоянным посетителем дома Толстых - дома, которому был присущ такой свободный стиль жизни, когда друзья могут прийти в гости в любое время дня и даже ночи. Танеев, который был младше Софьи Андреевны на шестнадцать лет, - молодой талантливый композитор, надежда музыкального мира, любимый ученик Рубинштейна и Чайковского. Это был человек робкий и застенчивый, мешковатый и

тучный, с обликом профессора, а не артиста; убежденный холостяк, подозрительно относившийся к молодым и, тем более, привлекательным женщинам и поэтому окруженный постоянно пожилыми дамами, которые проявляли к нему свою материнскую заботу. С его принципиальностью, рациональным умом и совестью он менее всего походил на "соблазнителя". Да и хронологически появление "Крейцеровой сонаты"(1890-1891гг) не совпадает с расцветом близости Танеева к Толстым, которое пришлось на вторую половину девяностых годов вплоть до 1906-07годов. Именно в это время, после кончины младшего любимого сына Ванечки, Софья Андреевна в бегстве от душевного одиночества, ища утешения в музыкальных занятиях (в 54года она начала брать уроки фортепианной игры), серьезно увлеклась Танеевым, о чем красноречиво свидетельствуют ее записи в дневнике: "...утром у двери неожиданно встретила С.И.... ", "...ехали вместе в карете...", "...столкнулись в гардеробе в концерте...", и тут же: "Сегодня весь день провела в музыке. Чудесный Rondo в сонате Бетховена..." Очевидно, что для графини Танеев стал олицетворением ее любви к музыке, утешения, личной внутренней свободы, которой ей так не доставало.

Неужели литературные герои "вышли из-под контроля" и настолько обрели свободу, что начали влиять на реальную жизнь своего автора? Вот еще признания Позднышева из "Крейцеровой сонаты": "Мучался я особенно тем, что я видел несомненно, что ко мне у ней не было другого чувства, кроме постоянного раздражения, только изредка прорываемого привычной чувственностью, а что этот человек, и по своей внешней элегантности и новизне, и, главное, по несомненному

большому таланту к музыке, по сближению, возникающему из совместной игры, по влиянию, производимому на впечатлительные натуры музыкой, особенно скрипкой, что этот человек должен был не то что нравиться, а несомненно без малейшего колебания должен был победить, смять, перекрутить ее, свить из нее веревку, сделать из нее все, что захочет. Я этого не мог не видеть, и я страдал ужасно".

Толстой ревновал и стыдил жену, в своем письме к Софье Андреевне (в 1897 году!) он писал: «Твое сближение с Танеевым мне не то что неприятно, но страшно мучительно. Продолжая жить при этих условиях, я отравляю и сокращаю свою жизнь..." "...Положение такое: продолжать жить так, как мы теперь живем, я почти не могу. Я говорю почти не могу, потому что всякую минуту чувствую, как теряю самообладание и всякую минуту могу сорваться и сделать что-нибудь нехорошее: без ужаса не могу думать о продолжении тех почти физических страданий, которые я испытываю и которые не могу не испытывать".

Этот "односторонний полуроман", о котором сам Танеев, говорят, даже не подозревал, длился несколько лет, то затихая, то вспыхивая с новой силой, пока сама Софья Андреевна не нашла в себе сил загасить тлеющее в ее сердце чувство. Музыкальное искусство, ставшее для графини последним увлечением и утешением в жизни, для графа окончательно утвердилось, как "бесполезное", "ненужное" и даже "вредное". И в последних литературных произведениях Льва Толстого мы уже не встретим никаких соприкосновений с музыкой.

"Я сочинил это в такой моей далекой юности, что теперь совершенно непонятно, сочинил ли это действительно я, или тот педагог, с которым я

занимался!" - Лев Николаевич впервые исполнил свой "Вальс Фа мажор" в домашнем концерте 10 февраля 1906 года перед своими друзьями. Присутствовавшие С.И.Танеев и А.Б.Гольденвейзер одобрили "милую вещицу" и предложили записать пьесу. Они решили устроить небольшое соревнование, записав каждый, кто как услышал, этот музыкальный диктант. Их нотные записи оказались абсолютно одинаковыми. Так до нас дошла эта фа-мажорная мелодия - ясная, чистая, незатейливая и наивная, - столь непохожая на своего могучего, монументального автора, и в то же время являющаяся неотъемлемой частью многогранного образа одного из величайших писателей за всю историю человечества.

Литература:

1. Сабанеев Л. Л. Воспоминания о России.— М.: Классика-XXI, 2005. — 268 с
2. Толстая С.А. Дневники в двух томах. Том 1 - 1862-1900 годы, Том 2 - 1990-1910 годы. Ежедневники. Серия литературных мемуаров.. — М.: «Художественная литература», 1978.
3. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 томах. Том 22 - Избранные дневники 1895-1910 годы — М.: «Художественная литература», 1978—1985.
4. Толстой С.Л. Очерки былого. Серия литературных мемуаров. — 2-е изд. — М.: Художественная литература, 1956. — 400 с.
5. Шкловский В.Б. Лев Толстой. — М.: Мол. гвардия, 1963. — 864 с. — («Жизнь замечательных людей»).